

Крусс Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Kruss Vladimir Ivanovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law Tver State University

E-mail: t-prava@yandex.ru

Реальность конституционного символизма

The Reality of Constitutional symbolism

Аннотация. В статье намечается перспектива научно-юридической методологии, исходящей из представления о реальности конституционного текста в его узко-семантическом и «объективно» социальном воплощении. По мнению автора, единственным продуктивным вариантом актуального осмысления права и решения непрерывно множасьего комплекса юридически «окрашенных» проблем является конституционное правопонимание. Аксиоматика этого подхода включает тезис о реальности национальной конституции (имея в виду Конституцию РФ), в смысловом измерении которой укоренены все возможные варианты нормативно значимых моделей социальной коммуникации. Символы служат важным конструктивным компонентом (материалом) такого моделирования и заинтересованного приобщения к его результатам. Современная юридическая наука (философия и теория права) стремится утвердить свое эвристическое и практическое значение, в том числе, с опорой на достижения аналитической философии языка. При этом обнаруживаются риски междисциплинарной комплементарности. Значение юридических терминов, понятий и категорий нередко критично редуцируется и онтологически выхолащивается, если подходить к ним исключительно с лингвистических или семиотических позиций. В этой связи автор предлагает начать разработку имманентно юридической (конституционной) семиотики и символизма в рамках теории конституционализации права и философии реального конституционализма.

Ключевые слова: конституционная реальность, юридический контекст, символизм, философия языка, конституционный символизм, семиотика прав человека

Annotation. The article outlines the perspective of scientific and legal methodology based on the idea of the reality of the constitutional text in its narrowly semantic and "objectively" social embodiment. According to the author, the only productive option for an up-to-date understanding of law and solving a continuously multiplying set of legally "colored" problems is constitutional legal understanding. The axiomatics of this approach includes the thesis about the reality of the national constitution (meaning the Constitution of the Russian Federation), in the semantic dimension of which all possible variants of normatively significant models of social communication are rooted. Symbols serve as an important constructive component (material) of such modeling and interested communication to its results. Modern legal science (philosophy and theory of law) strives to assert its heuristic and practical significance, including by relying on the achievements of the analytical philosophy of language. At the same time, risks of interdisciplinary complementarity are revealed. The meaning of legal terms, concepts and categories is often critically reduced and ontologically emasculated if approached exclusively from linguistic or semiotic positions. In this regard, the author suggests starting the development of immanent legal (constitutional) semiotics and symbolism within the framework of the theory of the constitutionalization of law and the philosophy of real constitutionalism.

Keywords: constitutional reality, legal context, symbolism, philosophy of language, constitutional symbolism, semiotics of human rights

Для цитирования: Крусс В.И. Реальность конституционного символизма // Юридическая техника. 2026. № 20: Материалы XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «ЮРтехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 24-27 сентября 2025 года /гл. ред. проф. В.М.Баранов). Нижний Новгород: ЮНИКОПИ, 2026. – С. 548–553.

На исходе первой четверти XXI столетия перспектива однородной, последовательной, внутренне непротиворечивой модернизации российской системы права, концептуально связанной понятием конституционализации¹, остается неясной по ряду причин объективного и субъективного характера. Перманентно-суммарное противодействие названному процессу не могут решающим образом купировать даже

¹ См.: Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 240 с.

результаты деятельности Конституционного Суда РФ как уникального актора генерации национальной правовой материи¹. Конституционное правопонимание, обязывая ответственную юридическую науку к содействию конституционализации права и становлению конституционного правопорядка, побуждает, прежде всего, философию и теорию права, искать инновационные и адекватные новым вызовам методологические ресурсы реализации своего предназначения. И по нашему мнению, далеко не все предпринимаемые в этой связи усилия и шаги можно считать правильно выверенными и успешными. В частности, это касается тех исследований природы и значения юридических символов, которые не выходят за рамки «двухмерного» измерения *юридического* позитивизма или неопозитивизма. (О подчеркнутой нами предметной спецификации названных теоретико-правовых понятий представители смежных социально-гуманитарных дисциплин могут, впрочем, и не догадываться.)

Побудившая к написанию данной статьи тематика междисциплинарного научного форума могла бы показаться избыточно «обыденной» и даже «факультативной», учитывая объем и инструментальное значение *номинальных* символов в арсенале правопонимания, в особенности, его позитивистского сектора. Позитивисты (как и неопозитивисты) *справедливо* подходят к идентификации и определению значения такой символики как наиболее краткой, элементарной версии (формы) правовой информации, ее дизайнерского воплощения («упаковки») в функционально обезличенный контур юридического знака или сигнала и вне связи с онтологической проекцией и/или рефлексией. Отрадно, поэтому, что содержание заявленного издания обещает нечто большее и качественно иное. Прежде всего, благодаря программной презентации исследовательского вектора, предложенной основателем российского проекта юридической техники В. М. Барановым, а также заявкам участников, научно-юридические пристрастия которых тяготеют к сферам философии, эпистемологии, феноменологии и семиотики (И. А. Овчинников, Р. А. Ромашов, А. И. Клименко, Д. А. Пашенцев, А. В. Поляков, В. И. Червонюк, Ю. Ю. Ветютнев и др.). Вместе с тем, обозначенные выше «издержки» междисциплинарной комплементарности просматриваются и в фокусе сопряжения аналитической (позитивистской) юриспруденции и современной (постнеклассической) философии языка. Следует признать, что значение юридических терминов, понятий и категорий критично редуцируется и онтологически выхолащивается, если подходить к ним исключительно с лингвистических или семиотических позиций, тем более – ориентируясь на подобострастную рецепцию научно-философских достижений западного постмодерна. Противовесом чему служит стремление связать тренды правовой символики с методологией конституционного правопонимания и философией реального *отечественного* конституционализма.

Любое обоснование (уяснение и разъяснение) сущности права как уникального социально-нормативного регулятора учитывает текстуально-письменный характер его наглядного выражения. В поисках права мы всегда приходим к юридическому *тексту*, будь то акты (высказывания) нормативные или правоприменительные. Соответственно чему каждый правовой символ есть некая первичная, дискретно-элементарная морфема юридического текста и языка, пусть не самодостаточная, но предопределенная к актуально-контекстуальному значению и прочтению. Ничего не меняет в этом отношении и перенесение символического значения (нагрузки) на отчасти или даже значительно завышенные по содержанию (сложные) морфемы как элементы системы позитивного права. В любом случае правовой символ остается для исследователя или практика *только* номинальным символом, чем исчерпывается его значение и функционал (хотя нередко символ считают возможным трактовать и как правовой принцип, декларацию или фикцию). Более того, для конституционалистов *особое* символическое значение приобретают и основные неотчуждаемые права и свободы человека. Причем – в семантике этой особенности – без какого-либо умаляющего рефрена («оттенка»), которого, к сожалению, не лишены высказывания претендующих на юридический дискурс представителей смежных наук.

Мы не беремся судить, могут ли социально-философские дисциплины в принципе решать основные вопросы (смысла, сущности, значения) права как воплощения «юридического мира» (В. С. Нерсисян) или «юридического концепта действительности» (Г. А. Гаджиев), либо для этого необходимо все-таки особое юридическое первородство. Но представляется несомненным, что только философия права имеет имманентное *право* определять круг тех концептов, к суждениям и выводам которых она, во всяком случае, *должна* прислушиваться. И для иллюстрации столь категоричных выводов намерены обратиться к монографии, поднимающей проблему связи философской теории лингвистического значения с пониманием моральных и правовых высказываний, и непосредственно касающейся при этом научной проблематики юридического символизма².

Ознакомление с содержанием названного монографического «триптиха», насыщенного доктринальными экспликациями западных лингвистических теорий и комментариями к ним российских исследователей, обнаруживает неоднократные, хотя и разной степени отчетливости, «признания» онтологической несостоятельности транс- или междисциплинарного подхода к решению проблем юридической

¹ См.: Крусс В.И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 3–8.

² Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: теория лингвистического значения, Л. Витгенштейн и границы права. М. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 352 с.

идентификации текстов, утверждений, понятий и символов. Поскольку, например, «оказывается», что для понимания слов, составляющих предложение, нужно знать пропозиции управляющих этими словами аксиом, а для определения значения символов как «выражений, меньших чем предложение», существует «затруднение даже в формулировке грамматически правильной формы прямого приписывания им значений», во-первых¹. Далее, потому что ресурсы «индифферентных» интерпретаций («языковой игры») в отношении «сложных правовых случаев», дескриптивных терминов, концептуальных понятий и ценностей права – крайне ограничены, во-вторых². И наконец, в виду *необходимого* соответствия (метафизического и семантического) между правовыми явлениями (как видом) и значением их терминов, которое *должно иметь место и быть найдено* даже в ситуации отсутствия методологического консенсуса о правовых (политических и моральных) понятиях и ценностях, в-третьих (выделено нами – В.К.)³.

Последнее из приведенных суждений очевидно ведет к обоснованию актуальности методологии конституционного символизма как единственно (легитимно) необходимого ресурса познания, утверждения и сохранения ценности/ценностей реального конституционализма, «иммунная система» которого, в свою очередь, защищает от вызовов идеологического и морального релятивизма, включая крайнюю версию эпистемологического анархизма⁴. Трудно (и незачем) спорить с тем, что правовые символы детерминированы правовой (государственно-правовой) действительностью, «обязаны» обеспечивать ее адекватное отражение, а значит, и могут быть «уличены» в некорректном либо даже злонамеренном искажении существующего как сущего. Участь, действительно, незавидная, однако – не предрешенная. Юридические символы и юридический символизм могут быть избавлены от служебного подчинения и занять подобающее им место под знаком доминаты верховенства права как Конституции. Для чего необходимо стоять на почве конституционного правопонимания. В пространстве и перспективе конституционной онтологии юридино-технического воплощения права – то есть правовых смыслов и правовой имманентности – юридические понятия обретают свою природу, и *именно символы* оказываются феноменами, легитимное проявление которых обеспечивает *реальность* юридического концепта *действительности*. Благодаря символически опосредуемой возможности юридически адекватной и ответственной коммуникации субъектов права, прежде всего, – физических лиц (людей, граждан).

Конституционная символика – атрибут человека конституционного, позволяющий ему (преимущественно опосредованно, через специально уполномоченные и контекстуально признанные институты) разрешать самые сложные и формально неразрешимые противоречия и конфликты частного (межличностного) и публичного характера. Легитимно-семантический поиск конституционных смыслов и значения конституционных ценностей, их последующее практическое утверждение корректно соотносятся с современным подходом (эпистемологическая парадигма) к гибкой рациональности *человека познающего*. В своей философской абстракции – это субъект, понимаемый как человек цельный (целостный), т. е. – *реальный*, отмеченный признаками (включающий свойства) эмпирической конкретности, изменчивости, историчности. «Это *реально* действующий и познающий, творческий, интуитивный, изобретательный субъект, обладающий новыми познавательными качествами, методами, процедурами; он синтезирует свою как абстрактно-гносеологическую и логико-методологическую природу и форму, так и одновременно получает экзистенциально-антропологическое и «историко-метафизическое» осмысление»⁵.

Юридическая наука, тем не менее, едва ли не более других философских дисциплин и социальных наук обязана думать о практических следствиях своих пропозиций. Заявляя возможность реальности того, что понятийно есть внутреннее противоречие (самопротиворечие?), поскольку переводит в антиномию понятие реальности – как *реальности символизма*, – мы должны попытаться хотя бы кратко (этимологически и концептуально) обосновать как такое – состояние? явление? феномен? – возможны в принципе? Иначе говоря, если противоречие все-таки есть (что отрицать сложно), насколько оно неприемлимое. При каких условиях, в какой среде или парадигме возможно столь необходимое для общественного порядка примирение реальности и действительности?

Первоначальный ответ может исчерпываться тем соображением, что подобное возможно в «юридическом концепте»: в праве как должном и сущем, т.е. в символике правовой реальности как референте конституционной реальности и исключительно на основе конституционного правопонимания.

Однако – вследствие фундаментальной конституционной амбивалентности – необходимые последующие разъяснения и уточнения допускают уже две содержательных версии. Либо конституционная

¹ См.: Даммит М. Что такое теория значения? (фрагмент) Перевод с англ. В.А. Суровцева / / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права... С. 226–228; 238–240.

² См.: Бикс Б. Применение (и неправильное применение) идеи Витгенштейна о следовании правилу в теории права. Перевод с англ. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права... С. 292–320.

³ См.: Паттерсон Д. Дворкин о семантике правовых и политических понятий. Перевод с англ. А.Б. Дидикина и С.А. Александрова / Оглезнев В.В., Суровцев В.А., Дидикин А.Б. Аналитическая философия права... С. 321–349.

⁴ См.: Крусс В.И. Крусс В.И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35.

⁵ Парадоксы теории множеств и их философская интерпретация. См.: URL: <https://habr.com/ru/articles/197578/> (дата обращения: 12.09.2025).

реальность принимает в себя и объемлет юридический символизм, либо юридический символизм обретает реальность по мере его конституционного проникновения и восприятия (инклюзии) в конституционную реальность. Выбрать из них один – *безусловно* истинный – вариант вряд ли возможно. Тем не менее, поскольку конституционная реальность не может удовлетвориться формальной правильностью, а конституционно правильное – суть должное, следует скорректировать поиск и прибавить к признакам искомого представления/состояния такие качества как насущность, или общепризнанная потребность. Соответственно чему «правильным» (приемлемым) можно признать (может быть) только второй вариант ответа.

И здесь принципиально важно вернуться к предопределению такой реальности, а именно – к природе национальной Конституции и конституционализма, реальность которых качественно отличается от заключенного в понятии действительности и семантически подчиненного именно этому понятию. Тем самым потребуются преодолеть и известные парадоксы теории множеств. В частности, парадокса Греллинга-Нильсона, согласно которому слова либо знаки могут обозначать какое-либо свойство и при этом иметь его или нет. Добиться этого необходимо не потому только, что «отказ» от онтологической перспективы реального конституционализма в пользу рачительно насаждаемой, культивируемой и никогда не достигающей идеала (образца) номинально конституционной действительности, по сути, равнозначен дискредитации научного статуса конституционной теории права. Важнее другое: в полной мере оценить значение реальности Конституции РФ, которая, с позиций конституционного правопонимания, представляет собой онтологически модулированное высказывание (нарратив) о детерминированной историческим опытом (судьбой) транспоколенческой жизни носителя национального суверенитета – народа, объединенного, в том числе, необходимостью признания, соблюдения и обеспечения неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, жизни и достоинства каждого (ст. 2, 3, 18, 21 Конституции РФ)¹. И только такое общенародное признание/конституирование (конвенционная легитимация) предполагает возложение на государство – в пространстве и перспективе конституционной реальности – обязанности по генерации защитных механизмов, гарантирующих каждому пользованию основными правами и свободами и заключенными в них социальными благами². Иначе говоря – только реальный конституционализм *мыслим* (как) и *есть* (что) символически означенное измерение *возможности* и *осуществления* (течения) достойной жизни народа и каждого гражданина конституированного этим народом государственного сообщества. Конституционный символизм не только не умаляет реальности такого социального феномена, но, скорее, «охраняет» его от позитивистских требований соответствия некоей обезличенной «действительности».

Согласно философской транскрипции, *символизм* понимается в узком смысле (эстетический, художественный тренд); и в широком – как направление философского мышления, признающее невозможность исчерпывающего содержательного вербального определения и объяснения того *действительно*го, что соприкасается с областью трансцендентного или укоренено в этом измерении. В западной философии соответствующее восприятие восходит к Сократу, Платону и риторике отвлеченных (абстрактных) понятий, которыми, в том числе, изначально оперировала Западная традиция права. Вследствие чего, само право и может быть понято как символическая знаковая система или текст. Специфика юридического текста не предполагает отсутствия его творца – автора, без учета намерений которого («вольных или невольных») текст не может быть понят как аутентичный, дабы «затем» быть принятым или отвергнутым, поскольку речь идет о высказывании прескриптивном. Историю западного права в этой связи можно охарактеризовать как *забвение или уничтожение* его автора по мере изживания символизма, как редукцию юридического метатекста. Конституционное правопонимание для России определяет возможность преодоления такой деструктивной интенции: онтологически «восстановленное» конституционное право вновь обретает своего – теперь уже безоговорочно легитимного – автора.

Выдающийся отечественный философ А. Ф. Лосев определял сущность символов через пять положений (признаков). Его умозрительной композиции символ есть:

1. функция (отражение) действительности, «способная разлагаться в бесконечный ряд членов, как угодно близко или далеко отстоящих друг от друга и могущих вступить в бесконечно разнообразные структурные объединения»;
2. смысл действительности, не сводимый к тому, что отражается; символическое проникновение в глубины отражаемого, высвечивает его грани, «недоступные внешнечувственному их восприятию»;
3. интерпретация (понимание, осознание) действительности, ее специфическая («человеческая») переработка;
4. сигнификация действительности, поскольку *как знак* «он должен так или иначе обратно отражаться в действительности, т.е. ее обозначать»;

¹ См.: Крусс В.И. Реальность российской Конституции // Конституция Российской Федерации : доктрина и практика: материалы науч.-практ. конф., посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации, 60-летию Всеобщей декларации прав человека. (С.-Петербург, 13-14 ноября 2008 г.) / отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2009. С. 235–250.

² Эбзеев Б.С. Статья 2 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина 3-е изд., пересмотр. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. С. 61.

5. методическое (перманентное) переделывание действительности, т. е. ее отражение и обозначение; «поскольку действительность вечно движется и творчески растет, следовательно и символ строится как вечно изменение и творчество».

«Без этой системы реальных и действенных символов действительность продолжала бы быть для нас непознаваемой стихией неизвестно чего», – заключал мыслитель¹.

Представляется, что столь многообразная структура символа (реального и феноменологически данного) вполне коррелирует возможности и обоснованности перехода от теории реального (конституционного) символизма к конституционной семиотике (включая аналитику сингулярности), конституционной феноменологии, а также нового наполнения (актуализации) тренда конституционной герменевтики. Формат публикации не предполагает развернутого освещения и проработки всех связанных с таким познавательным настроением гносеологических и эпистемологических проблем, и мы кратко отметим лишь наиболее важные, на наш взгляд, обстоятельства.

Методологии конституционного символизма созвучно, в том числе, философско-семиотическое положение того, что структура символа никогда не может быть окончательно дана, но подлежит *феноменологическому описанию*. Значительный вклад в развитие принципов такого описания внесла теория дескрипций Б. Рассела, который понимал под дескрипциями способ и специфические конструкции индивидуации объектов². В теории конституционализации права сходным образом мыслится технология содержательной конкретизации прав и свобод человека и гражданина, актуализации основных обязанностей каждого, а также принципов их нормативного опосредования.

Сингулярность – еще одно понятие современной философии, связанное с символизмом восприятия и помогающее прояснить «сущность конкретного, единичного, а также сущность отношения единичного и множественного, абстрактного и конкретного»³. В этом отношении философия реального конституционализма вполне может положиться на представление, что сингулярность – это событие, имеющее смысл или, другими словами, сам смысл. Конституционно значимое событие не может существовать (мыслиться) изолировано от других событий, оно носит (на «поверхности мира») континуальный характер. Смысл каждого такого события характеризуется понятием *точки* (конституционный символ), однако точка носит *пролиферированный* характер, т. е. она может быть понята как серия или линия, или плоскость. Сверх того, сингулярность в своем существовании определяет возможность других сингулярностей как возможность других событий, точнее как их со-возможность. «Но, определяя какую-либо со-возможность, сингулярность определяет в то же самое время не-совозможное, которое исходнее со-возможного... Поскольку мир существует в качестве определенного, но в то же время он определен в первую очередь через свою не-совозможность»⁴.

«Доверяя» приведенным пояснениям Д. В. Котелевского (хотя и отчасти перефразируя их), философия реального конституционализма вправе полагаться на свое понимание сущности *юридической* сингулярности и – следовательно – судить о со-возможности правовых явлений и категорий, поскольку конституционная логика (логика конституционализации права) проясняет возможность их «встречи» с другими конституционными явлениями и категориями и, одновременно, о-пределяет постоянно изменяющее свои границы «пространство» не-совозможного как неконституционного. Как «пространство» тех «чтоностей», с которыми «чтоности» конституционные встретиться не могут⁵. И в этом (последнем) утверждении мы полагаем уже прямую связь с конституционным обоснованием не-совозможности с формально-означенными установлениями и долженствованиями (из)тех притязаний и действий, которые необходимо идентифицировать как злоупотребления правом, прежде всего – для выработки конституционного вектора противодействия нарастающей экспансии таких проявлений⁶.

В заключение подчеркнем ключевое, в практическом плане, следование из методологии конституционного символизма. Реальность правопорядка, производная от реальности Конституции РФ, обеспечивается исключительно посредством институциональных ресурсов судебного конституционализма и – решающим образом – практикой Конституционного Суда РФ. Сегодня, как и в конце XX века, семантическая «истинность» этого утверждения продолжает ставиться под сомнение; и далеко не отдельными представителями российской юридической науки. Однако гипотетическая и фактическая множественность актов созерцания и мышления «о Конституции», с учетом специфической природы (реальности) этого предмета осознания, «требует» распределения таких актов *по уровням* «феноменологической приближенности» к Конституции РФ. Никому нельзя отказать в «праве» на значения выраженного в тек-

¹ См.: Азаренко С.А. Символ / Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемеров. 2-е изд., испр. и доп. Москва, Минск / «ПАНПРИНТ», 1998. 1064 с. С. 779–780.

² См.: Современный философский словарь... С. 612–614.

³ См.: Котелевский Д.В. Сингулярность / Современный философский словарь... С. 783.

⁴ См.: Котелевский Д.В. Указ. соч. С. 783–784.

⁵ См.: там же.

⁶ См., в частности: Крусс В.И. Закон как средство противодействия и предпосылка публично-властного злоупотребления правом / Модель общества и национальная безопасность: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Калининград, 5 февр. 2010 г. / Калинингр. юрид. ин-т МВД России. Калининград, 2010. С. 67–78.

сте Конституции РФ, но правом на конституционные значения необходимо достоверно обладать (быть наделенным). Поскольку Конституция РФ (отнюдь не вопреки ее реальности) мыслится как идеальная и неразрывная по своему смысловесущему потенциалу матрица должного, единственным вариантом обретения непротиворечивых конституционных значений оказывается конституционное признание «права» на такие значения за одним лицом, как исключительно и достоверно наделенным конституционным правопониманием. В силу соответствующего признания (неопровержимой презумпции) семантические, по сути, акты выражения (высказывания) Конституционного Суда РФ становятся конституционными значениями нормативных положений и символов Конституции РФ; тем самым, форматом этих актов, умножается и конституционная реальность в целом¹.

Во многом сказанное выше есть возвращение к методологии (и технологии) целеполагания общего – легитимного – конституционного основания для выработки («дескриптивной индивидуации») правовых понятий². Исключительно конституционной семиотике (а не «суфлерам» из цеха аналитической философии языка) может быть доверена, в том числе, и задача актуального прояснения значения понятий и символов, укорененных в «текстуре» конституционализма, но «неожиданно», потребовавших «доказательств» имманентного характера их связи с российской конституционной традицией. В синтетическом единстве (корпусе) философии конституционализма сегодня в смысловой деконструкции нуждаются такие фундаментальные понятия как суверенитет, демократия, основы конституционного строя, права и свободы человека, интересы и ценности, справедливость, солидарность, добросовестность, безопасность, культура и др. Потому так важно признать, что именно конституционный символизм созвучен методологии, которая только и может (вправе) требовать для себя титула единственно (в конституционно-правовом дискурсе) научной и философской (позитивной и эйдетической), ибо предмет ее *познания и осмысления* составляют сущностная (необходимая) и фактическая (случайная) стороны объекта исследования – конституционной реальности. Не страшно, что это противоречит «действительности». Важно, что посредством конституционной семиотики в континууме конституционной реальности осуществляется смысловая «сертификация» любого, претендующего на юридическое значение фактического материала, как следствие получающего или не находящего подтверждения своего искомого значения (частного в многообразии сущего), а следовательно – и непрерывно легитимируется «со-возможное» и исключается из конституционного контекста «не-совозможное».

¹ Подробнее см.: Крусс В.И. Реальность российской Конституции...

² См.: Крусс В.И. Конституционная топология и дефинитивная трансгрессия правовых смыслов: теория и практика // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Междунар. «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сент. 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007. С. 199–223.